



Ю-Н

«Вехи» и Чехов

Покаянные мотивы, отзвучавшие в сборнике «Вехи», до такой степени всполошили призванного к суду своей совести интеллигента, что он поспешил на подведенную под него мину ответить контрминой. Выпущен сборник статей с многообещающим заглавием «По вехам»¹. Многообещающим, впрочем, и остается одно заглавие. Статьи — это скучная жвачка разных журнальных ремесленников — Голубевых, Левиных, Максимовых, Хижняковых и т. п., которую, однако, в предисловии к книжке некий г. Мускатблит (каюсь, о таком литераторе, хотя он пишет и очень авторитетным тоном, слышу в первый раз) рекомендует как «комплекс всего, что вышло, — исключительно с прогрессивной стороны» по данному вопросу. Бедная «прогрессивная сторона» — хочется невольно воскликнуть — если она на решительный, так сказать, бой выставила таких убогих ратников. Только и умеют они повторять тягучие рассуждения вроде того, что «загнать русского интеллигента в шовинистическое русло никому не удастся, какие бы иллюзии для соблазна одного из малых сих ни выплывали на сцену».

На спор об интеллигенции, кстати, появился посмертный отклик А. П. Чехова как обладателя одной из самых обширных коллекций интеллигентов самых разнообразных разновидностей, которого несомненно можно считать экспертом по этому вопросу. В изданных недавно г. Бочкаревым² его письмах (вернее, это только незначительная часть его писем), он иногда с юмором, подчас же и с горечью воздает российскому интеллигенту должное. Сомневаться ли в данном случае в его искренности? «Я никогда не прятался. Если я люблю вас, или Суворина, или Михайловского, то я этого никогда не скрываю», — пишет он одному из корреспондентов. Можно допустить скорее, что, мягкий и деликатный, он смягчал тон, когда надо

было сказать по чьему-нибудь адресу что-либо неприятное. И вот мягкий Чехов радуется, попавши в Ниццу, что на улицах народ веселый, шумный, смеющийся, не видно ни исправника, ни марксистов с надутыми физиономиями». Из Малороссии он пишет, что «Москва с ее холодами, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслителями» пугает его воображение. Здесь хотя «русские мысли» и обозначены маленькими начальными буквами (быть может, по вине издателя, побоявшегося «скомпрометировать» Чехова), но несомненно речь идет о московской интеллигентской цитадели, главнокомандующим которой состоял Вукол Лавров. Это все, однако, говорится в шуточном тоне. Но вот уже настоящая филиппика против интеллигентов.

«Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша, и будущее России обращаются в дым, и остаются на фильтре одни доктора дачевладельцы.

Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр...»

Почувствуют ли себя представители интеллигенции, плодящей одинаково и исправников, и надутых марксистов, несколько сконфуженными, читая такого рода тирады? Нисколько. Когда Чехов, Толстой, Достоевский или кто-нибудь иной из числа тех, относиться к мнению которых пренебрежительно лицу, претендующему на звание интеллигента, все-таки неудобно, возвышает свой голос против интеллигенции, последняя просто-напросто делает вид, что ничего не слышит.

Счастливый недостаток слуха!

(Новое время. 1909. № 11943. 13 (26) июня. С. 4)

